

К ИСТОРИИ ПРАКТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ИНЦЕСТНЫМ СЕМЬЯМ

Арсентьева Г. Н., Артемьева О. А.

*Центр практической психологии «ШАГИ», Иркутск, Россия
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск, Россия
E-mail: shagi_gi@mail.ru, oaartemeva@yandex.ru*

*Работа подготовлена при финансовой поддержке
гранта РФФИ № 17-36-01096*

История изучения практики психологической помощи имеет несколько аспектов: методологический, практический и собственно исторический. История развития практики психологической помощи опосредованно детерминирована личностными и социальными факторами, а также предметно-логическими детерминантами научной деятельности. В данной статье планируется проанализировать личностные детерминанты как фактор развития практики психологической помощи инцестным семьям.

В определении понятия психологической практики мы исходим из работ И. Н. Карицкого: «психопрактика – вид социальной практики, в котором цели практики и используемые средства являются психологическими». При этом основными видами психологической практики являются «тренинг, консультирование, терапия, практики личностного роста» [3, с. 62].

В ряде работ, посвященных исследованию зарубежного опыта прикладной деятельности психолога, отмечается формирование целого сообщества специалистов-психологов, «зарабатывающих себе на жизнь за пределами чистой науки», во второй половине XX в. Авторы особо подчеркивают значение общественного запроса, «социального заказа» в развитии теоретических и прикладных исследований в психологии» [1, с. 401–407].

Эффективность деятельности психолога предлагается измерять параметрами концепции общего строения деятельности, сформулированной А. Н. Леонтьевым. И. Н. Карицкий разделяет связь между субъектом и объектом психотехнической деятельности на практическую (воздействие) и познавательную (восприятие). А. Г. Лидерс, А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков и др. субъектам практической психологической деятельности присваивают роли – практического психолога (терапевта) и «клиента» [1]. В данной «ролевой цепочке» деятельность практического психолога определяется И. Н. Карицким как воздействие, а деятельность со стороны клиента – как восприятие. Однако данная деятельность не

описывается рамками линейной логики, напротив она целиком и полностью подчиняется прагматике человеческих отношений.

П. Вацлавик выделяет три аспекта коммуникации: синтаксис, семантика, прагматика. «Прагматика основное внимание уделяет тому, как коммуникация влияет на поведение, а именно: какой эффект оказывает та или иная информация на получателя, и какое ответное влияние на отправителя оказывает его реакция» [3, с. 62]. Отсюда в практике психологической помощи возникает понимание роли клиента в процессе профессионального становления, а также осмысление выбора профессионального тематического интереса, и даже построения теоретических конструктов и парадигм через личную историю психолога.

Личность, которая опосредует свою деятельность через призму специальных теоретических знаний и жизненного опыта, становится детерминантной и практической, и научной деятельности. «Многие аналитики могут найти истоки выбора или психоаналитической карьеры в своих собственных переживаниях». Вероятно, поэтому наша собственная жизнь будет влиять, иногда весьма глубоко, на наш подход к клинической работе. Таким образом, теоретическая ориентация, на которой мы в конечном счете останавливаемся, подход к лечебной работе и техника, которую мы начинаем предпочитать, возможно, были отобраны скорее субъективно, а не выбраны настолько объективно, как мы хотели бы полагать, – утверждает английский психоаналитик Патрик Кейсмент.

К сожалению, связи между жизненным опытом и клинической ориентацией редко исследуются открыто. Очевидно, это обусловлено желанием аналитиков держать свои личные дела вне общественной арены, и на это есть серьезные основания. Такое самораскрытие почти всегда загрязняет перенос, мешая клинической работе [4, с. 17].

Что же касается темы сексуальности, а в особенности запретной сексуальности, граничащей с искаженными формами власти, насилия, унижения, подавления личности, убийства души, искажения норм морали и нравственности, которая особо остро и болезненно раскрывает тайную жизнь общества через такое явление, как инцест, такое раскрытие нуждается в особом поле доверия и безопасности.

Урсула Виртц, юнгианский психоаналитик немецкого происхождения, ведущая частную практику в Цюрихе, делится личным опытом реакции окружающих на тему сексуального насилия: «Коллеги часто спрашивали меня, действительно ли я верю всему тому, что рассказывают мои клиентки, действительно ли я совер-

шенно уверена, что этих женщин в детстве на самом деле соблазнили. Они склонны предполагать, что сексуального насилия в действительности не было, и это все – просто фантазии» [2, с. 33].

Доверие клиенту в рассматриваемом вопросе со стороны психолога становится решающим фактором психологической помощи инцестным семьям. Так, Фрейд несколько раз менял свое решение по поводу доверия словам женщин в их обвинениях отцам и другим родственникам. Виртц объясняет отказ Фрейда от теории соблазнения тремя факторами: события вокруг пациентки Фрейда и Флисса Эммы Экштайн, нехватка гражданского мужества у Фрейда, отношения Фрейда со своим отцом. Мы бы назвали еще и четвертую: «тайные» отношения Зигмунда в сиблинге, о которых пишут его родные сестры Адольфина и Паулина.

Что же касается Юнга, то и он не был однозначен в своей позиции к «правде инцеста»: «Инцест и перверсии не были для меня какими-то примечательными новинками и не стоили особого объяснения. Они относились к криминалу, к такому черному осадку жизни, который портил мне благостную картину мира, они слишком ясно тыкали меня носом в уродство и бессмысленность человеческого существования» [2, с. 39].

У. Виртц на основе анализа переписки Юнга с Фрейдом пришла к выводу, что «сексуальное насилие оставило в нем такой след, который было необходимо сильно вытеснить» [2, с. 41]. К такому же выводу приходит и еще один крупный специалист – эксперт в теме сексуального насилия в семье – швейцарский теоретик и практик Эллис Миллер.

Юнг в письме Фрейду от 13 мая 1907 г. представляет опыт консультирования шестилетней девочки с сексуальным расстройством: «Кроме блеклого и безэмоционального, совершенно неправдоподобного представления о травме в сознании, мне не удастся достичь никакого спонтанного или внушенного отреагирования аффекта. В настоящее время она выглядит так, как если бы у нее было головокружение после травмы. Но откуда этот ребенок знает все эти сексуальные истории?» [2, с. 47]. Ответ Фрейда соответствует духу эпохи недоверия словам женщин и детей: «От вашей шестилетней девочки вы, между прочим, узнали, что посягательство является осознанной фантазией, которая регулярно обнаруживается при анализе и которая сводится для меня к признанию того, что в детстве бывают сексуальные сновидения. Терапевтическая задача состоит в обнаружении источников, из которых ребенок почерпнул свои сексуальные знания... Важно спросить членов семьи. Если это удастся, это дает волнующие результаты в анализе... Ребенок не говорит, потому что он быстро,

целиком и полностью, оказывается внутри переноса, что доказывают и ваши наблюдения» [2, с. 48].

Европе следовало пережить ужасы Второй мировой войны, а США получить эмигрантов, переживших ужасы концлагерей и холокост, чтобы начать движение в сторону веры в слова тех, кто свидетельствовал о насилии. Одновременно с процессом осознания и переработки посттравматического расстройства лиц, переживших военные действия, в европейском и американском профессиональных психологических сообществах женщины стали получать признание и многие из них захотели узнать неприглядную правду некоторых детских семейных историй.

Становление современной практики психологической помощи инцестным семьям в Америке началось в 1959 г. с работ М. Боуэна, получив развитие 1980-е гг. в подходе Гиллигана, а в Европе в 1982 г. – с публикации статьи Э. Миллер «Дочери больше не молчат».

По результатам анализа представленных подходов могут быть выделены следующие закономерности становления практики психологической помощи инцестным семьям: 1) личностные детерминанты являются основным фактором исследования и практической помощи по проблеме инцеста; 2) личность психолога и его личный жизненный опыт, система взглядов и убеждений диктует выбор теоретической основы его практической деятельности; 3) личная история жизнеопределяющих отношений психолога диктует способ построения им прагматики коммуникации в поле «психолог – клиент».

Литература

1. Артемьева О. А., Синёва О. В. Прикладная психология и психологическая практика: к истории и теории вопроса // Психология и психотехника. 2013. № 4. С. 401–407.
2. Виртц У. Убийство души: инцест и терапия : пер. с нем. М. : Когито-Центр, 2014. 293 с.
3. Карицкий И. Н. Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик. М. ; Челябинск : Социум, 2002. 258 с.
4. Кейсмент П. Обучение у жизни: становление психоаналитика : пер. с англ. М. : Когито-Центр, 2009. 240 с.